

Автор представлен членом Художественного совета **Юрием Семенцом**

Где-где

— Ой, а это же там, где большая тюрьма?
Второй класс. Не понимаю вопроса.
Восемь — не возраст пределы кончика носа
преодолевать.

Мы на даче смотрели, как поперёк степи
проползают товарняки —
перекати-нитки,
и тайком собирали бабушкину клубнику,
пока она спит.

Без страны, без планеты — в паспорте: Ка-ра-ган-да.
Я теперь понимаю, что у меня спросили.
Думаешь, житель вселенной — а просто ссыльный.
Я хочу помнить клубнику, сестру, ковыль,
но об этом забыть — когда?

лежишь ты такой солдатиком
из тебя торчит серебристое

мама-мама, внимательно
читай списки

то ли вагон, то ли подводная лодка
то ли глотка оголодавшего волка
глубина

принимает позу ныряльщика
вдыхает воздух весь целиком до капельки
летит бомбой огромной в тебя маленького

был настоящий мальчик
стал деревянненький

последнее выдыхаешь в лицо врагу:
— доска кончается, я сейчас упаду-у-у!

и лежишь ты такой в коконе
на булавку приколот ртутную

мама, мама, открой окно
тут я

Наступает пора
отдирать со стены виноград
и прикидывать, что выносимо.
Из подаренного на вырост
пора вырастать.

Тело будто помнит
голодную первую зиму
и упорно делает вид,
что вот-вот растает.

В предыдущий раз
немецких кукол раздаривали,
продавали письменный стол:
невыездной,
а японский магнитофон
увезли с собой
на поезде.
Он срисовывал рельсов бой
и понимал, куда катится.
Я — не очень.

Я тогда не знала вангоговой
звёздной ночи,
но я знала степную ночь.
Лучше б её зашили
в мою сетчатку,
чтобы было, с чего начаться
и чем закончить.

Как бы теперь сборы
ещё отсрочить:
с каждой коробкой
дорога к началу длиннее.

Видно ли степь
из созвездия Водолея?

Память, как шкаф,
в целом невыносима.

Менора

(поминальная молитва)

Мать первая начала.
Выдохнула и — вольно.
Гробовщик ворчал:
погодила бы, дескать, — холодно.
Обнимали друг друга —
смерзалась с щекой щека.

Старшую унёс дым.
Был бы бог милосерден —
дал бы им с мужем
трезвенника в соседи
или сил выйти
из горящей избы.

Вторую взяла Сибирь
каторжным едким духом,
тифом ли —
тесно жались друг к другу буквы.
Не разобрать,
не склеить из них семьи.

Третью дочь на чужом
кладбище хоронили.
Ставили крест,
но на нём — прежнее имя.
Так и не свыклись с новым,
аж небо жгло.

Последними из гнезда
вознеслись близнецы-сестрицы.
Их никто не хотел
вымарывать со страницы,
но разлил воду,
и их разлила вода.

Отец на крыльце без сил,
закат, как бельмо, белёсый.
У него совсем,
совсем не осталось вопросов,
только одно:
господи, погаси.

Дуся её звали
эту как её чёрную с рыжим
кукольный доберман
она была королевой двора
когда она из подъезда выстреливала
и давай визгливым своим орать
и давай писклявым своим орать
нас сдувало как шарики
как удавалось ей столько вдохнуть
а мы превращались в воробушков на лету
и оседали рядком
на железяке такой особенной для ковров
а когда у этой родился сын
по имени Кеша
такой же громкий но чуть поменьше
они вместе держали в страхе весь двор

сколько лет прошло
сколько жгучих казахских лет прошло
сколько склизких московских зим
я почти не боюсь собак
я сама хожу в магазин
но маленькая лошадка до смерти пони
меня всё чаще теперь называют полным
именем хотя оно велико мне
как комната когда в ней живёшь один

пусть собачий бог
приютит Евдокию и Иннокентия
и меня бы кто приютил

весь из солнечного света
быстроходный и прямой
в небо-небо ветер-ветер
нас уносит с головой

было сталью стало былью
размывается вода
кто меня из тела выльет
тот и не был никогда

слишком хрупкая посуда
деревянная прочней
будешь кашу нет не буду
чей ты будешь чей-ничей

пони бегают по свету
волны-волны без помех
как-то стану я ракетой
воздух-воздух эхо-эх